

Майя Кучерская

Тётя
Мотя

Майя Кучерская

Тётя Мотя

«Вимбо»

2012

Кучерская М. А.

Тётя Мотя / М. А. Кучерская — «Вимбо», 2012

ISBN 978-5-00224-529-1

Марине, или Моте – как ее называют домашние, тридцать два. Жизнь привычно скользит по накатанной: работа корректором в газете, скучные отношения с мужем – всё продолжается только по инерции. «Адюльтер – пошлое развлечение для героинь женских романов», – всегда считала главная героиня. До тех пор пока ее саму не подхватил внезапный водоворот романтических отношений с успешным журналистом. Желанная и одновременно постыдная любовная связь, опостылевшие семейные обязанности и неизведанные чувства, бешеный ритм работы в газете и светлые образы исчезнувшей русской жизни, которые оживают в записках сельского учителя, – всё это складывается в увлекательное повествование о пути к счастью. Марине остается только разобраться, где находится настоящая жизнь, а где – лишь ее подражание. «Роман как раз о том, как прорваться от бесполой, зачучканной тёти с сумками к себе, своей женственности, своей красоте, замыслу о себе. Ведь на самом деле героиню зовут Марина. Это её настоящее имя, это формула её личности, до самого дна. Но драма героини в том, что она, как и многие, многие, как тысячи таких же русских тёт, не может прорваться к собственной сердцевине». – Майя Кучерская Пресса о книге: «То, что у другого автора послужило бы сюжетом для банальной мыльной оперы, у Кучерской становится основой для жесткой экзистенциальной драмы о духовном перерождении и неизбежном возврате к вековым устоям. А преувеличенная ясность и бесстрашие ее взгляда заставляют откликаться на «Тетю Мотю» не головой даже, а диафрагмой: да, всё так, всё правда». – Галина Юзефович, New Times «Майе Кучерской удивительным образом удалось прописать в этом романе всё – и любовный треугольник, и «мысль семейную». Деликатнейше поговорить о вере в Бога и таинстве брака. Наконец, вплести в повествование историческую сюжетную линию. Отличный, сложный, красивый роман без единого провисания», – Наталья Кочеткова, Time out

ISBN 978-5-00224-529-1

© Кучерская М. А., 2012

© Вимбо, 2012

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Майя Александровна Кучерская

Тётя Мотя

Иллюстрация: Юлия Стоцкая

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Майя Кучерская

© ООО «Вимбо»

* * *

Часть первая

Глава первая

Забыла закрыть занавески, и комнату затопил мягкий утренний свет. Ветер качнул форточку – плеснуло сырым, свежим, согретым. Вторую неделю стояла ласковая обманчивая теплынь.

Было до странности тихо, только чуть слышно скреб в стекло тополь, такой высокий стал, совсем вырос, а тихо-то, как в деревне, но едва она подумала это, все кончилось – грохнула дверь вниз, по двору зацокали каблучки, загомонили дворники, зафырчал, замучился никак не заводившийся «запорожец». Коля дружил с его хозяином-рыболовом. Захлебнулся детским тывканьем щен – вывели погулять после длинной ночи.

И еще восемь бессмысленных минут. Она жмет на кнопку, отключает будильник. Лежит. В 7:30 откидывает одеяло, набрасывает халат, идет. Обогнать, пройти еще несколько шагов. Все же хорошо пока, даже выпалась, и погода!.. Но, как обычно, не успевает. Сухое рыдательное, тупое лезвие «немогубольшежить» уже ведет, медленно ведет по онемевшей поверхности души. Да ладно уж, ничего особенного: там давно все исцарапано, исколото, истерто – деревянное сиденье пригородной электрички. Нормально, каждое утро ведь так: фырк «запорожца», спазм в горле, тапочек с дыркой, собственный знакомый утренний запах.

На пороге в детскую она замирает. Смотрит на косяк двери в отметинах – 2000, 2001, 2003, в этом году померить забыли, смотрит, готовясь к следующему шагу, и вдруг понимает: фальстарт. Накатило и отошло. Обычного утреннего отчаяния нет. Не может быть, она вслушивается. Но правда, правда нету. И сейчас же предчувствие благого перелома, близкого, накрывает ее с головой, обнимает и заполняет легкие, живот, ноги. Все изменится очень скоро, если не сегодня вообще. Если не прямо сейчас! Тетя ежится, поводит плечами, промакивает ладонью тут же выступившие слезы, шмыгает носом, сбрасывает с себя морок – все-таки почудилось, помстилось. Но в детскую она заходит с улыбкой.

Здесь еще темно. Темно-вишневые шторы не пропускают свет. Нога наступает на мохнатое – упала с полки Чи-чи. Когда-то Чи-чи казалась великаном, ростом с ребенка, но потом ребенок вырос – и обезьянка сжалась, стала крошкой. В бордовом сумраке доживают последние мгновения сны про собачек, плотный свет переливается красками, радужными, речными; свет и сама река, лимонно-медовая, можно лизать. Доброе утро! Мальчик натягивает на голову одеяло. Сонный, теплый. На мгновение из-под одеяла высовывается пятка – и прячется. Она садится на край кровати, вытаскивает ногу назад, покусывает круглые пальчики. Мальчик выглядывает одним глазом, улыбается жалобно. Но тут же веселеет: «Сегодня ты меня поведешь?»

Мальчику ее не хватает – у нее неправильная работа, часто она возвращается, когда он уже спит. Он не знает, что все подстроено нарочно и такая работа у нее, чтобы... Он не знает ничего.

Она оставляет его досыпать, еще несколько минут, идет на кухню.

На столе в литровой банке с водой стоят кленовые листья, прозрачно-красные, лимонные, просто желтые и желтые с зелеными прожилками, – мальчик собирал их вчера с ее мамой, гулял. Окно было закрыто, за ночь листья надышали: ароматом земли, лисичек, августовского дождя. Листьев больше, чем нужно, они неопрятно торчат, у некоторых завернулись края – но, ясное дело, проститься хотя бы с одним «таким красивым!» он не мог. Потому что мальчик – Теплый. Так его зовут. Она переставляет букет со стола на подоконник, открывает форточку.

Через полчаса сын умыт и накормлен овсяной кашей, которую, по счастью, любит. Особенно если на каше нарисовать вареньевую рожицу или кота. С вареньем полный порядок – свекровь шлет из деревни банку за банкой. Ест Теплый хорошо, а одеваться быстро не умеет, Тетя ему помогает, натягивает прогулочные штаны, футболку, которую он надел сам, снимает и переодевает нормально, не задом наперед. Завязывает шнурки. В пять без малого лет пора одеваться самому. Но она слишком редко его видит.

Дверь в третью комнату плотно закрыта – там папа, он спит, сегодня не его очередь.

Они выходят во двор. Сын застывает. Видишь, ты меня спрашивал, что такое туман – вот он, еще немного остался, стелется под кустами. «И под скамейками прячется!» – кричит Теплый. Подпрыгивает и вдруг смеется. Он вообще смешлив, ее мальчик.

С тополя мягко спархивает ворона, садится на клумбу, разрывает клювом землю. И снова Теплый замирает и шепчет птице: «Ты что-то нашла?» Но Тетя тянет его за руку. Он делает несколько шагов и снова встает. Мам, а как эти деревья называются? Она не знает, как эти. Тополя? Нет, это не тополя, зато вон там на пригорке, у детской площадки, где в узкий проем между забором и фонарным столбом ей удалось вчера втиснуть машину, растет одинокое дерево, видишь? Это клен. «Остролистый или сахарный?» – неумоимо уточняет Теплый. Большой любитель энциклопедий.

Под кленом улеглись две дворняги, пегая и черная, подружки дяди Вадима, их странного дворника в шапочке с шариком-помпоном, друга зверей и детей.

– Он здесь царь, да?

Теплый снова перестает двигаться.

Сы-нок.

Клен растет на краю детской площадки, ближе к гаражам, широкий, приземистый, «багряный», как сказала бы учительница из школы напротив. Но нет, это красная охра, глубокая, теплая, с отзвуками киновари. В красном светится медь.

Клен стоит неподвижно и вдруг вздрагивает, оживает, по листьям бежит быстрый ветер. Теплый потрясен.

– Горит!

В самом деле, сухое пламя с треском охватывает дерево, листья гудят и трепещут – неопалимый куст!

Собаки бесшумно поднимаются и мчатся прочь, за гаражи, в сторону школы. Ветер срывает листья, несет вверх, кажется, дерево стряхнет сейчас с корней шершавые земляные комья, рванет в сентябрьскую синьку с молоком. И снова Тетя чувствует: рядом. Вот-вот. Скоро все будет по-другому. Жмет на кнопку сигнализации, слышит уютный «чмок». Они наконец трогаются.

Уже в дороге мальчик вспоминает: в сад нужно было принести листья, мы их вчера собрали, на репетицию осеннего праздника.

– Возвращаться не будем, – отрезает она. – Я и так опаздываю.

– И зонтик, – робко, уже без всякой надежды добавляет Теплый. – Зонтик тоже нужен.

– Зонтик вот.

Она протягивает ему назад корпоративный подарок на Восьмое марта – синий зонт с бронзовым вензелем – валяется под сиденьем давным-давно. Они мчатся по улице Вавилова. Пешеходы бегут на красный свет. «Задавить их?» Теплый ужасается, хотя шутка стара. «Просто библики им, мам, они убегут». Ехать совсем недалеко, шесть кварталов, двадцать минут пешком, двенадцать на трамвае, шесть на машине. Восемь – если красный свет.

В саду пахнет рисовой кашей с изюмом. Теплый здешних завтраков не уважает, ест дома, ему выдадут только какао. Тетя расстегивает верхнюю тугую пуговицу, снимает с него куртку, помогает стянуть штаны, распахивает деревянный шкафчик. Там Теплового преданно ждут

истертые сандалии, только что пережившие длинное деревенское лето. Она вешает куртку в шкаф, неудачно, одежда срывается, из кармана выскальзывает несколько каштанов.

Что это?

Но Теплый, как всегда во время раздевания-одевания, рассеян, страшно рассеян, ему не до застёжек, не до каштанов. «Для коллекции», – роняет он и вновь погружается в думу.

Она достаёт сандалии, ставит перед ним, слегка тормошит его за плечо. Сын послушно наклоняется, застегивает их – это легко, они на липучках, за то и любимы, поднимает голову, смотрит на нее. «Мама, – произносит он задумчиво, – как ты считаешь, а слон... слон тяжелее бегемота?» – «Считаю, – мямлит она, ставя в шкафчик ботинки. – Да». – «А у бронтозавра в животе поместится крокодил?» – без паузы продолжает Теплый, и она бормочет, да нет, не уверена, возможно...

Мальчик готов к погружению – губы тыкаются в горячую, подстриженную макушку, пока! Он кивает ей головой: пока, мамочка. Сосредоточенно идет в группу. Там слоны и бронтозавры будут топтать его странный зоопарк, в котором живут черный дракон, анаконда, героический динозавр, а по утрам сладко плавают сахарные клены. Краем глаза она успевает заметить, как сын здоровается с Галиной Петровной. Здоровается он всегда одинаково – крепко обнимает крупную и, по счастью, добрую воспитательницу со словами: «Доброе утро, Галина Петровна!» Та никогда не возражает, не пытается увернуться. Возможно, все не так страшно.

Она поворачивает ключ зажигания, смотрит на черного мамонта. Мохнатый детеныш тихо качается под зеркалом, бивней у него еще неросло, вместо хвоста – обрывок шерстяной нитки. Тетя смастерила его два года назад из обрезков своей детской старенькой шапки, бабушка выдала ее для Теплового – ха. Но для игрушки в самый раз. Теплый зовет его Мам и каждый раз смеется своей шутке.

Она любила сына с нежностью и страхом материнского животного. Возможно, с дочкой все было бы иначе. Но дочери у нее не было, а Теплый, Темушкин, Тема, как вылез весь чумазенький в тихий зимний день ей на живот, как пополз, так сразу и раскинул ручки – обнял маму. И обнимал с тех пор всех мам на свете. Всех воспитательниц, всех девочек в детском саду, на детской площадке и в кружке по рисованию тоже, всех Тетиных подруг, их взрослых и не очень дочек, врачей в поликлинике, даже продавщиц в магазине. А если у них были еще и длинные волосы, тут уж ее мальчик млел и совершенно терял голову. Девочки убежали, взрослые гладили его в ответ по голове. Иногда целовали. Тетя смотрела, ей было неприятно, но пусть уж пользуются. Может, им не хватало, а Теплый грел. Теплый был не теплый, а горяч, в этом скрывался его секрет. Положишь на него руку, проведешь ладонью по голове, шее, плечу, схватишь за локоть, и мгновенно! ладонь согрета. В любой части Теплового было жарко.

Поэтому всем подряд он повторял: «Я тебя люблю».

Наверное, нужно было радоваться, что вот ведь живет на свете такой любвеобильный мальчик, но Тетя мучилась и не понимала. А может быть, он сам просит так о любви? Умоляет полюбить его еще, распахивая маленькое черно-драконье сердце. Но если они не смогут, не смогут соответствовать и однажды прогонят его навсегда? Она закрывала глаза. Или он строил из себя такую прочную крепость, в которой каждое «я тебя люблю» – кирпич? Думал, что спрячется, и мир его больше не тронет, простит и отпустит – за его любовь.

Многоэтажное стеклянное здание сглотнуло ее, не жуя, пустое лицо охранника даже не поглядело в вынутый из кармана пропуск.

Она втискивается в лифт, нажмите, пожалуйста, десятый. На табло выскакивает красный человечек. Перегрузка.

Слон в Оренбурге

Нынешним летом в Петербург приведут слона, купленного бухарским ханом в Афганистане и посылаемого в дар высочайшему двору. Слон теперь зимует в Оренбурге и с весны отправится в Северную Пальмиру. Он еще дитя: ему всего 14 лет. Из Оренбурга пишут, что этому гостю каждодневно отпускается по пуду муки, 5 фунтов сахара и столько же сала. Из этого делают тесто, заменяющее слону сахарный тростник, составляющий любимую его пищу на родине. Он дошел до Оренбурга в башмаках, и в такой же обуви совершит и дальнейший путь.

Глава вторая

В тот же самый день, спустя полтора часа, проснулся Коля. С чувством беспричинного счастья. Ну, не счастья. Легкости. Глянул на часы – 9:20! Как сладко поспал, на работу опоздает, но сегодня можно – Крюк сказал поедет по клиентам, значит, до обеда свобода. Коля откинул одеяло, потерся-почесался затылком о подушку, босиком прошлепал на кухню, залитую солнечным светом. На столе лежали сыр, колбаса, хлеб. Вот и завтрак ему. Нормально. Пахло листьями, вот они в вазе. Осенью пахло, но тепло-то – чистое лето!

Он любил просыпаться один. Когда не надо вести Теплового в сад, в спешке одеваться, бриться, потом умывать-одевать сына, запихивать в него кашу, тащить скорей на трамвай – не надо ничего. Можно подтянуться с десятков раз на турнике, который сам сделал в коридоре, отжаться, потягать гантели – снова почувствовать мускулы и тело, послушное, крепкое, молодое.

После небольшой, но энергичной разминки Коля взмок, с наслаждением встал под душ. Всегда он любил воду, в любом виде – и когда сидел-смотрел на нее на рыбалке, и когда скользил по ней и носился.

Как же он был теперь благодарен Сереге – вот кто их вытянул, приобщил – прошлым летом все началось, в России про это вообще мало кто слышал, но Серега съездил на Гавайи. Вернулся загорелый, веселый, с громадным рюкзаком. В рюкзаке лежал кайт со всем снаряжением. А потом Серый подарил ему на день рождения такой же. Подарок был, конечно, царский, все-таки чересчур. «Да мне просто компания нужна!» – оправдывался Серега и снова говорил только о кайте, какой это кайф, реально чувствуешь ветер, щеголял словечками – «карвинговый поворот», «буст», «депауэр», и относительно понятное – «галс».

Первый раз поехали в том еще сентябре, в Египет, учиться. В голубой лагуне Серега уже гонял, правда, пока простенько, без прыжков. Коля начал брать уроки у Рутгарта, синеглазого голландца с красным обветренным лицом. Рутгарт выделял на воде такие штуки, от которых они с Серегой только беспомощно матюгались. По-русски Рутгарт не говорил. Ветер дул хороший, особенно к вечеру. Ideal! – радовался их новый голландский друг. Через неделю тренировок сушняком Коля первый раз вышел в море. Почти час плавал попой в воде, держа кайт над собой, учился создавать тягу и тормозить, несколько раз пытался подняться, но кайт упрямо падал в воду, один раз до искр в глазах больно ударился о доску локтем. Но в конце концов он сделал все верно. Направил доску вниз по ветру, дождался тяги и встал! Проскользил несколько метров, распрямился, тут доска начала тонуть, и снова он бултыхался в воде. Но теперь он понял, поймал. Нельзя забывать про тягу, и, поднявшись, надо не разевать рот, а сразу же управлять, ставить кайт по центру окна, ветрового. И снова он нащупал тягу, встал, поправился под ветер. И рванул. Помчался! Только довольный голос Рутгарта зазвенел в спину: Good job!

Коля несся по воде, лицом к морю, вспарывал доской ровную темную гладь. Брызги стелились розовой пеленой, красное солнце, придавленное пылающей тучей, скользило назад. Ветер уверенно и мягко тащил его странный парусник, крошечный парус, пестрый раскрашенный полумесяц. Он потянул на себя стропы, как учил Рутгарт, попробовал подняться над водой и действительно слегка приподнялся в воздух, пролетел. Спружинил на воду.

Ого-го-го! Помчался дальше, сел в воду, развернулся на сто восемьдесят, и опять все получилось. Тут-то и отпустило. Кончилось.

Кончилось все, что было вчера, пять лет тому назад и пять минут тоже. Не было синеглазого тренера, важничавшего Сереги, отеля в прыгучих цветных огнях, загорелой девицы в кожаной куртке из бара, удушливых цветочных клумб, глупых щеточек пальм. Тем более не было Москвы и маленькой, знакомой каждой гримаской, зевком и изгибом тела женщины,

черноглазого мальчика, жилистого отца, мяклой, преданно глядящей в глаза матери. Не было никого.

Только два сливающихся простора за спиной. И он. На дно опускалась, плавно падала вся прежняя его, сраная жизнь. Все эти последние несколько лет.

Свадьба. Пьянки с ребятами. Галлоны выпитой водки, тонны восстановленных жестких дисков, дистрибутивы, бесперебойники, роутеры, километры натюканых чатов, вместе со скачущим в аське зеленым лягушонком, ряды смайликов в черных очках, отраженные вирусные атаки, закаченные софты, мягкие томики инструкций и руководств, все заброшенные в нужные места цветные шарики, лопнутые пузырьки, проворные гусеницы, колобки, проглоченные жуки, пойманные звездочки, разбомбленные города, расстрелянные в упор уродцы, все диски, все эти реки организованных звуков, которые он слушал.

Мир стал невинен, мир стал юн. Все пофиг. Перезагрузка с потерей всех сохраненных данных. Ничего-то он не знал больше, ничего не помнил. Только дышал, только мчался. Вода. Брызги. Солнце. И ветер, ветра хоть отбавляй.

Так он и подсел, похлеще Сереге. Потом поехали во Вьетнам, и Ашот с ними, в первый раз тогда, он правда сломал сдуру руку, но к Одессе поправился как раз. Для Одессы пришлось купить гидрокостюмы, вода была уже ледяная. К тому времени Коля понял, с какой силой надо затягивать ремни, как ходить против ветра, обзавелся четырехстропным кайтом, начал делать простые прыжки. Но вся эта гимнастика и сальто на воде вставляли даже не так, как просто то, что он мчался и чувствовал ветер. И всегда брызги той же, что и в первый раз, радости летели в лицо, грудь, наполняя счастливой пустотой полета.

Он уже ехал в лифте, мытый, бритый, с сумкой за спиной (в сумке – логитековская клавиатура, как и обещал Крюку), мечтал. В ноябре планировали с ребятами снова рвануть. На Крит летом, кстати, и не подумал взять кайт – нет, Крит был для семьи. Жене он про кайт особо не рассказывал, да не шибко она и интересовалась. Зато Тема просил его взять с собой... Подожди, Темыч, чуть-чуть еще подрасти, такую жизнь с тобой начнем.

В киоске он купил «МК», ехать было от «Академической» до «Рижской», но в метро сжали так, что читать не смог. Вот что значит выйти на час позже. Стал смотреть на девушек – одна напротив ничего, темные волосы разбросаны по плечам, овал лица нежный, аккуратный носик, глаза большие, подкрашены, веки в посверкивающих тенях. Уткнулась в какой-то цветной журналчик. Серебряная блестящая ветровка обтягивала грудь. Тонкие пальчики с розовым маникюром перевернули страницу. Скорее всего, девушка кой-чего уже повидала на своем недлинном веку. Коля понял это, когда вагон качнуло, и на несколько мгновений она оторвалась от журнала, подняла голову – в темных глазах мелькнули опытность, грусть. Да, вот с такой можно бы попробовать, не легкая, конечно, добыча, слишком для этого была ухожена, но все же ехала не на машине – в метро, и вид имела не особо счастливый.

Он подумал о Мотьке, так и звал ее, как она когда-то сама себя назвала в шутку – нет, сейчас на такую б не клюнул. А тогда, восемь лет назад, другой был период. Поступил в Москву, с трудом, чудом, проскочил еле-еле, по полупроходному, кто-то слился, и его взяли на освободившееся место, учился, жил в общежитии, и так хотелось дальше, вперед, по всем направлениям. Из серого мальчика с дальнего Подмосковья стать здесь своим, умным, ловким Коляном, с правильной работой, не похабной девочкой, каких в их подмосковном городке, где он закончил школу, было навалом – нет уж, с совсем другой... Мотя сама приплыла в руки, сама нашла его. По объявлению. Он хорошо помнил, как пришел первый раз в ее облупленный дом чинить компьютер, пришел – и обалдел.

В крошечной двухкомнатной квартире с вытертым дочерна паркетом было бедно, сто лет без ремонта, но убрано, чисто, а главное дело – вдоль всех стен стояли шкафы с книгами. Даже в коридоре висели полки, тоже с книгами, забитые мертво! И сразу поморщился про себя: попал. К больно умным. Но поморщился все-таки с уважением. На хозяйку и не взглянул.

Уселся за стол, выслушал спиной, что «все виснет», начал разбираться, чистить ее довольно неплохую по тем временам, откуда-то из-за бугра привезенную машинку, поставил новый анти-вирус, кой-чего обновил, а в это время хозяйка – девчонка, как он понял, его примерно лет, говорила. Спрашивала мелочи, он отвечал. Разочек хохотнула, колокольчиком таким динь-динь, это он типа пошутил. Не особо лезла, но и не бросала одного. Что-то его зацепило. То ли свежесть ее. Оглянулся даже. Юбка широкая, темная, блузка с коротким рукавом, голубая, в синюю крапинку – и видно было, чистая, отглаженная, только что, что ли, надела, для него? Смайлик. Или вежливость ее? Нет, это была не такая вежливость, когда рвать охота от этих «пожалуйста, спасибо, будьте так любезны», таких шибко интеллигентных клиентов он встречал тоже, не-ет, тут другое. Не вежливость, потом уже, намного позже, когда услышал от кого-то это слово, понял, что вот про нее как раз это слово – деликатность. Она была деликатной. Во. Делала ему хорошо. Спокойно с ней было, как с собой почти, вот что. Когда закончил, позвала, конечно, пить чай. Он не удивился, так почему-то и знал, что позовет. Но у него было правило – с клиентами никаких чаев. Серега так научил: пустая трата времени. Пока пьешь с одним, теряешь другого.

А тут пошел дурак дураком пить чай этот ненужный, сел на стульчик деревянный и почувствовал собственный запашок – пота. В общаге третий день не было горячей воды. Разозлился, что думает про это. Но слегка отодвинулся назад. Она разливала в чашки заварку.

– Ой, я не спросила. Я вам с мятой заварила, ничего?

– Нормально. Я с мятой люблю.

Он не просто любил, он с мятой очень любил. Как-то, казалось, сил она прибавляет – освежает изнутри. Мать специально для него держала небольшую плантацию на огороде – сушила, каждый раз, когда он приезжал, заваривала, а эта... Угадала. Он снова поднял на нее глаза. Обычно на девушек он глядеть начинал снизу, как там с ногами, попойкой... А тут не смог. То есть ухватил, конечно, что она ничего, невысоконьякая, но стройная, ноги что надо, и грудь тип-топ, но все это отметил так, на ходу, и уставился в лицо. Она как раз села напротив. Лицо белое, бледное. И в лице... что? Опять он не знал этому имени, ну, изюминка, что ли, или как это называют... В общем, нормальная девка, красивая даже, хотя нос немного курносый, и глаза – не понять какие, карие, что ли, с зеленью будто, а вот ноздри, маленькие, круглые, раз – и дернулись вместе с носом вверх. Это она улыбнулась. На щеке темная точка, а когда она улыбалась – точка вытягивалась в овал. Плюс шея – длинная, на календаре на стенке у них такие были бабы, только художника он забыл.

И губы, пухлые, детские. Открываются, что-то говорят. Да, по губам всегда можно было определить. Эти ничего не знали! Вообще-то против опытных девчонок он совсем не возражал, но сейчас ему понравились именно такие губы. Глупенькие. Он наконец понял, она его о чем-то спрашивает, кажется, уже второй раз. А... где учится. Сказал. На каком курсе? На четвертом. А она? Она – доучилась давным-давно! Кольнуло сейчас же, больно, шилом ржавым: старше! Давным-давно... И ударило, заколотило по мозгам: не годит-ся! Но он справился, не дал этой мысли развиться далеко – стоп, для чего не годится? На сколько старше? И переспросил сразу: давно закончила? Она снова улыбнулась: ну, вообще-то не очень, в прошлом году. Он выдохнул. Максимум года на два. Не особо, конечно, но терпимо. На столе лежали бутерброды с сыром, когда она их сделала – не заметил. Вспомнил, что с утра не ел, а сыра вообще давно уже не видел, исчез он куда-то, как и яйца, сглотнул и решил сурово – ни за что! Ни одного бутерброда. Нечего тут расслаживаться.

Она вдруг сказала: к чаю у меня только бутерброды. Взглянула на него совсем прямо, непонятно... И карие глаза поголубели вдруг, посветлели – от кофты, что ль? Коля взял и съел бутерброд. Потом еще. Она глядела на него с каким-то веселым и смешливым ужасом: вы голодны (да, именно так, не по-русски чуть-чуть, «голодны»!)... я пожарю картошку, я быстро. Ни-ни, – он чуть не поперхнулся, ни в коем случае... Хотел встать. И не смог. Размяк, блин,

по полной. Спросил, откуда комп. Мама с конференции привезла, из Америки! Профессорша одна подарила. Он прогнал телегу про Билла Гейтса, сегодня услышал от Ашота, она засмеялась. Свободно, звонко. Опять эт-та... динь-динь. Нормальные люди, когда смеялись, кхекали, харкали, икали, что ли, а эта... звенела. Динь. Читал, что ли, где-то, что бывает так, смех колокольчиком, а вот и услышал сам, хм. Стала рассказывать про школу. В школе она работала. Училка! Ли-те-ра-ту-ры! Ну, не умора? Терпеть он не мог всегда этого ускользящего, как дым, не ухватить, не словить, предмета. Ненавидел сочинения. И опять дернулось – не годится. Книжки эти, ну, куда ему? Не. А она ворковала свое, школа, мол, – это жизнь, но надолго там нельзя оставаться, законсервируешься, превратишься в Мариванну... И улыбалась опять. Немножко она смущалась, поэтому, что ль, улыбалась часто так?

Ваще как будто не знала правил. Что говорить с парнем наедине так открыто, улыбаться ему, дергать ноздрями, быть такой... нельзя. Он не знал, почему. Но подумал, что, может, никакая это и не открытость, а, как у детей, она не знает просто, что это значит, не понимает. И начал наконец собираться. Она не расстроилась ничуть, не задерживала – ничего. Ну и правильно, хватит. Но уже в коридоре как-то по-новому, очень кокетливо (знает, значит, кой-чего?) с ним заговорила. Мол, можно, я буду к вам еще обращаться. Может быть, обменяемся адресами электронной почты, у меня вот такой. И губы сложила капризно, в кружок. И тут он крякнул как-то странно, она не поняла, посмотрела вопросительно. А это он подавил рычанье, потому что этот кружок захотелось накрыть, быстро, властно накрыть ртом, сломать всю эту дурацкую дразнящую ее невинность, заткнуть сраный колокольчик и кофточку в крапинку растянуть, порвать, в грудь зарыться, мягкую, белую, свою... он почувствовал, как под джинсами предательски вырастает бугор. В чаду нацарапал адрес, схватил бумажку и выскочил к лифту. Спустился на полэтажа, прижался к ледяной грязной подъездной трубе жарким лбом. Выругался – грязно, длинно, в голос. Отлегло. Разжал кулаки. И тут же в панике чуть не заорал снова – где?! Где бумажка с ее адресом? Взлетел обратно на этаж – возле двери она валялась, смятый листок в клетку, вырванный из блокнота, поднял, адрес был. То есть попал реально. Сунул в задний карман джинсов, вызвал лифт, поехал.

В общем, так все и началось. Потом он про эту встречу часто вспоминал. Растревожило его как-то, раскрыло навстречу и повело. Она говорила. Знала слова. Он тоже их знал... в общем, что они значат, но не использовал никогда, а она использовала и да, умела разговаривать. Он вспоминал ее и думал: речка. Она – речка. Течет себе свободно. Ля-ля-ля. Но как-то не глупо. А он – пень.

В общаге он регулярно навещал Алку с третьего, но знал, что они даже не парочка, не ходили даже куда-то вместе, не – просто партнеры по бизнесу. Так Ашот выразился однажды, маладец. А клиентку свою Динь-динь Коля держал для души. Сначала писал ей письма, про компьютер всякую хрень, и подлинней старался, хотя не умел, но тут понял – слова, этой нужны слова! Потом стал звонить, потом гуляли в Нескучном, по Москве-реке на кораблике катались – тепло было, дремотно так, лето. На речку она повела, жила там недалеко, и нормально проехали, последний раз с отцом катался, еще пацаном. И такой красивой показала Москва. Потом сходили разок в кино, там он немного себе позволил. Она дернулась, огорчилась, даже всхлинула: не надо! Обидно стало, конечно. Недотрогу строит. Сколько он и так уже терпел, ведь все время, все время ее хотел, домой возвращался, и... Но, когда остыл, решил подождать. Как-то понял – лучше пока с Алкой или даже одному, а с этой не надо, она не строит, боится просто, понятно же все. Но все будет еще, так что мало не покажется, надо только еще погодить. И когда в поход тот пошли, вообще не коснулся ее. Хотя рядом спали в спальнях мешках! И никому, конечно, не рассказал, что ходил-то не один, с девкой и оставил ее целкой. Не поняли б все равно, а он понял... Времени было по горло, вот какое чувство тогда было – впереди полным-полно времени. И еще чувствовал: она за это благодарна ему, благодарна, что он ждет и не торопит, и ее благодарность дороже всего.

Его затягивало медленно, затягивало в нее. Тогда, той весной и летом, он не мог найти в ней ни одного недостатка. И только матерился ласково, когда уходил от нее – потому что осознал наконец: по уши он в училку влюбился. И не просто влюбился, как уже было раз на первом курсе, сильнее захватило, так – что не просто трахать, жить с ней хотелось. Всегда. Хоть понимал, его родные, особенно отец, вряд ли ее признают – не своя. Совсем! А он не смог бы объяснить, что это-то и влечет. Что чужая – это снаружи, зато внутри – своя. А вместе с тем давала книжки ему почитать, пригласила пару раз – хе! в консерваторию (и про это никому из ребят не рассказал, а матери похвастался, и она уважительно покачала головой). Но, главное дело, музыка оказалась местами отличная вполне, забирала, плакать хотелось. Или, может, выть. Она потом ему еще рассказывала долго, кто это написал все и как он жил, – совершенно ничего не запомнил, если честно. Но не было ему ничуть обидно, что она училка, даже с ним, а он ученик. Он понимал: это снаружи, а так-то – дите. Беззащитное. С ротиком-кружком.

Через полгода дала себя наконец поцеловать. У подъезда вечером, он ее провожал. Только что прошел снег, лежал пушисто, рассыпчато на лавке возле подъезда, на деревьях, машинах.

На вкус она оказалась мятной, прохладной. И как будто другим человеком совсем, чем когда просто общались. Оказалась своей. Именно что. Как он и догадывался раньше. Мягкая, родная, своя баба. Через несколько дней, когда опять встретились, попытался пойти дальше и получил спокойный отпор. Спросил, почему. Сказала – я старомодная, прости. Тогда сказал – пойдешь за меня? Она ответила – надо подумать, то ли в шутку, то ли всерьез, не понял он даже, но через полчаса, когда говорили уже о чем-то другом, и он был, если честно, в обломе глубококом, думал уже слинять скорей, через полчаса вдруг обвила его за шею руками, крепко – опять, как маленькая, неудобно даже, хоть и не видел никто, выдохнула ему в ухо: я согласная. Так, по-деревенски, ответила. Он сразу страшно испугался. Затопила жуть и нежность, самому захотелось реветь, он покрыл ее лицо поцелуями, а потом шею, руки. Расстегнул наконец кофточку – гладил, гладил ей грудь. Тут уж разрешила, а дальше опять нет. Это было у нее дома. На скромном мамином диване, покрытом пестрым покрывалом. И в тот же вечер Алка получила от ворот поворот. Пережила спокойно, он ведь и причину назвал – только усмехнулась недобро: ну-ну, жаних! Зубки не сломай. Как в воду глядела.

Отцу, как он и предполагал, училка его не понравилась. Хотя отец ему этого не сказал. На прямой вопрос после знакомства, обеда невыносимого, длинного, маманя расстаралась, смолчал, пожал плечами: да какая-то она... Не договорил. Смотри, сын, решать, конечно, тебе. И жить тоже. Добавил еще про жить. А мать обрадовалась, понравилась ей и Динь-Динь, и особенно то, что у сына как у людей наконец-то; старшая-то Колькина сестра, Варька, засиделась в девках. Так что мать обрадовалась. Сказала обычное – вот хоть внуков поняну, бог даст.

Но потом, в следующие еще перед свадьбой встречи, училка и отца немного смягчила, называла его по имени-отчеству, просто, тихо, но без навязчивости расспрашивала про его шины. И хотя – Коля видел – отец уверен был, не с бабами обсуждать мужские дела – как миленький говорил с ней и про шины, и про резину, и воров, а она, не будь дура, отвечала ему разумно, по делу, но и не переборщила ничуть и ни с чем, поскольку это и умела лучше всего. Чтобы все в меру.

* * *

Он приехал на работу, в комнате уже сидели ребята, Ашот сразу позвал покурить, Коля пошел, хотя курить бросил – кайт требовал дышалки! Но иногда стоял в коридорчике с Ашотом, работал скорпомощью. Ашот по утрам часто был в дурном расположении духа: жил он весело, домой возвращался засветло, спал по несколько часов, и следы буйной ночи в начале рабочего дня еще лежали на смуглом лице, лице страдальца. Чтоб поднять настроение, утро Ашот начи-

нал с сайта «анекдот.ру» и тут же делился прочитанным. Коля уже готов был к новой дозе народного юмора. Впрочем, анекдот случился на самом деле. Лидочка из финансов написала Ашоту по корпоративной почте письмо, которое он не так понял... В истории фигурировало слово «задержка», «бумага» и прочие штучки вполне в ашотовском духе, как, впрочем, и в духе его любимых сайтов. Все кончилось благополучно, Ашот и Лидочка долго смеялись, Коля тоже усмехнулся разок для приличия, и тут зазвонил мобильник. Высветилась буква «ж» – жена. Коля нажал на кнопочку.

– Ты проснулся?

– Угу.

– На работе?

– Да. Занят.

– Я быстро! Помнишь, мы на Крите нашли такой ржавый колокольчик для коровы. Мы его взяли в Москву?

– Не помню. Слушай...

– Но ты хотел его еще от ржавчины очистить, помнишь? Сказал, матери подарить, сувенир, забыл?

– Нет, не забыл, но не помню, куда дел. Может, дома где.

– Поищешь тогда?

– Ага.

– Ну, пока.

Коля отрубился. Колокольчик он, конечно, тогда так и не взял с собой, выбросил на следующий же день, грязный он был какой-то. Чем она только на работе занимается? Вернулись с Ашотом в комнату, Коля включился, улыбнулся приветствию, гласившему: «Ну что, Колян? Цзянь сян ай, цзяо сян ли!»¹, порадовался заставке – два бородатых китайца летели на деревянном соколе по голубому небу. Он сам слепил эту заставку из подручных средств и очень ею гордился. Китайцами были Мо Цзы и его ученик Гоншу Ван, изобретатели пракайта.

Мо Цзы сделал из бамбука деревянного сокола, которого заставил подняться в небо. Правда, пролетев немного, сокол упал и раскололся. Гоншу Ван продолжил дело учителя, а поскольку был профессиональным плотником, догадался расщепить бамбук на тонкие полоски и высушить над огнем. От этого его сокол получился легче, прочнее. И смелее, конечно. Продержался в небе три дня.

Если бы не кайт, Коля и знать бы не знал ни про Мо Цзы, ни про Гоншу Вана, но тут начал читать иногда афоризмы Мо Цзы, вывешенные в Сети, и все собирался познакомиться с единственным его трактатом, который, правда, написал не он сам, а ученики, записавшие мысли учителя.

Коля дождался полной загрузки. Давным-давно ацстойные «корзина», «мой компьютер», «мои документы», «рабочий стол» и прочие ярлычки он сменил на собственные варианты – «мусоропровод», «не твои документы», «старые бумажки», «окружение», «парта». Это тоже повышало настроение. Его вообще это заводило, власть человека над машиной, Windows-ами, и нравилось делиться маленькими хитростями с неразумным народом. Хотя на работе делиться особо не получалось – выходило только спасать. Им звонили зачморенные пользователи из их же компании, чаще стонали, иногда орал. Самых наглых приходилось осаживать, и уж только после назидания и брошенной трубки, в ответ на мольбы, обнаруживать стертые файлы, поднимать упавшую систему, восстанавливать пароли. С особами женского пола Коля разговаривал серьезно и покровительственно, с мужиками – по-свойски и быстро переходил на «ты». За десять почти лет работы он разбирался в этих железках и программах только так.

---

¹ «Всеобщая любовь и взаимная выгода» – лозунг Мо Цзы (478–392 до н. э.) и его последователей.

В какой-то момент, когда стало распырять от собственных знаний, Коля завел блог, специально чтоб давать советы юзерам. Начинающим сисадминам заодно. Юзеры и братья по ремеслу с благодарностью его советами пользовались, тоже меняли себе ярлычки, выгоняли вирусы без всяких Касперских, сбрасывали балласт ненужной фигни, оптимизировали загрузку, защищались от хакеров и зачарованно давали ссылки на его блог.

Через полгода он стал тысячным, получил пару нехилых предложений от рекламщиков – и отказался. Неинтересно уже стало. Как-то не до того, особенно в последнее время – из-за кайта, что ли. И всю свою просветительскую деятельность Коля потихоньку забросил. Вопреки прежним правилам (ни о чем, кроме железа, не писать) вывесил несколько фоток с собой на кайте. Ничего, многим понравилось, народ слал восхищенные комменты, особенно, конечно, девчонки. Red Girl, сисадминша, которую он разика два реально спас, предложила сменить квалификацию и теперь обучать всех по Нету премудростям кайтовождения. Она шутила, но Коля задумался об этом всерьез, даже стал собирать кой-какую инфу – по истории кайта и всяким новинкам. Тоже начал потихоньку вывешивать, пока в прежний блог.

Позвонили из бухгалтерии, опять глючила написанная им же с месяц тому назад программа. Бухгалтерша говорила виновато и вместе с тем требовательно. Рабочий день начался. Сходил, все поправил, потом дернуло начальство, долго возился у нового гендиректора с почтой, обминал под него, потом сходили с ребятами в столовку, потом выложил в блоге фильм про выбор кайта, ближе к вечеру мобильный зажужжал неизвестным номером. Заказ на книжку оставляли? А он и забыл. Оставлял, оставлял на каком-то букинистическом книжном сайте, и вот вам, пожалуйста. Вы где находитесь? В районе «Рижской». В течение часа можем доставить. Коротко стриженный паренек в спортивной курточке, хилого и синюшного вида, оказался на их проходной действительно через час, не глядя в глаза, протянул книжку в прозрачном целлофане, взял деньги, велел расписаться и был таков.

Коля развернул книжку уже в лифте. Темно-зеленая обложка, золотые листики ободком, желтые ломкие страницы, год издания совсем древний, он тогда и не родился еще, открыл оглавление. Мо Цзы.

Решил почитать на месте, но Крюк погнал к двум новым сотрудникам в потребе – прописывать их в системе, только вернулся – аська молила скорей подняться к заму главного – у того что-то случилось с виндой, потом у терапевтши, приходившей к ним раз в неделю неясно зачем, не печатал принтер, а в комнате, кроме него, снова никого... В полшестого все наконец стихло. Ашот свинтил, как обычно, первым, Алик с Ромой – за ним, Крюк, часто засиживавшийся допоздна, куда-то вышел и пока не возвращался. Коля забирал сегодня Тему, в сад нужно было кровь из носу попасть до семи, но это значит, что полчаса у него еще было. И он открыл наконец книгу.

Глава третья

Первой Тетя взяла явно уже залежавшуюся заметку с говорящим названием «По осени считают» – про допинг-тесты и пересмотр результатов отшумевшей чуть не месяц назад Олимпиады – по всему получалось, что теперь России могла достаться еще медалька. С утра работалось легче, и она не тянула, как все, не шла за водой, не грела чайник, не пила растворимый кофе, не проверяла почту. Зажмурясь – бултых – и сразу две-три заметки, на свежую голову, пока тихо, пока соображаешь, а вот потом можно и выдох, и перерыв. Следующей упала новость про награду мемориальщиков, скука смертная, зато почти без ошибок, знала она эту Марию Тихонову – тихонькую, как ее фамилия, и тексты, с правильными запятыми, прочла за десять минут. Болталось что-то и про Беслан, но нет. Только не это. Хотя Лена столько раз ей повторяла в ответ на вой и подвывы: «Не вдумывайся. Не вдумывайся никогда». Поднимала глаза, поправляла седоватую челку, усмехалась: «Зачем тебе смысл? Отдели, отслои ты его от орфографии, двоеточий и выкинь. Если что-то останется вообще».

Тетя любила Лену. Громогласная, с диссидентским прошлым, теперь с той же самоотверженностью, с какой когда-то печатала Хроники, Лена несла на своих плечах в те же далекие героические годы встреченного мужа-алкоголика (художника, само собой), сына, недавно закончившего философский, но по самоощущению – поэта, больного папу. Работала за пятерых, и все для своих мальчиков. Впрочем, и девочек не забывала – стояла за их корректорскую горой, начальству в обиду не давала никого, только себе, если что, позволяла быть строгой. Лена превосходно знала правила, чувствовала язык, даром что математик. И повторяла: «Это всего лишь работа. Не вдумывайся».

Но Тетя любила не только Лену, Тетя любила слова.

Когда-то ее научили: у слов есть летучее акустическое тело, грамматическая оболочка из приставок-суффиксов-окончаний и сложенный из этого и много чего другого смысл, сердце смысла, стук-стук.

В паузах между ударами можно было различить скрип камешков санскрита, желтую песчаную мелодию индоевропейских ветров, нервный колотез настоящего и близкое будущее тоже, отблескивающее в Тетином сознании металлически-голубым. Но и это было только начало, от каждого слова тянулись антенны, росли еле различимые усики, которыми оно связывалось с соседями по предложению, тексту, книге, эпохе, веку, подавая собственные позывные, подхватывая, расшифровывая чужие. И лишь в точке пересечения этих сигналов, отзвуков, в тонкой невидимой дрожи слово обретало смысл, хотя тоже не окончательный, переменчивый, зависящий от климата и сегодняшней погоды. Примерно это она говорила детям на уроках русского языка. Они радовались, им нравилось, что у каждого слова – живое тело, напоминающее космический кораблик.

Но, придя в газету, сидя за своим компьютером под календарем с видами Москвы, Тетя обнаружила: люди, которые сочиняют газетные заметки, ведать не ведают о языковой вселенной. Черным-черны, пустым-пусты их слова. И надуты. Вместо ветвящихся, текущих по небу деревьев – мертвый хворост, неопрятные кучи. Эти слова не били ядром смысла в сознание, напротив, старались этот смысл замаскировать, увести от него, исполняя расхлябанный и брезгливый по отношению к читателю танец. Танец разболтанных жирдяев. Студенисто подрагивали поверхностями. Кривлялись, корчили рожи, пукали, испражнялись, ржали. Голова заполнялась болью. Дурно делалось от приблизительности всех этих предложений, размытости мысли, обилия лишних слов, груд речевых и грамматических ошибок, описок, опечаток – уродливых деток вечной журналистской спешки. И ладно бы это были просто удвоенные буквы или абракадабра, напечатанная случайно сбившейся рукой. Нет, каждая вторая опечатка придавала слову новое значение – как правило, непристойное.

Тетя начала неравную борьбу. С разрешения Лены записывала и регулярно отсылала на корпоративную почту списки ошибок. Многие поначалу не верили. Кричали: не может быть!

«Набережные Члены», «северсраль», «кодекс чести пивоворов», бесконечные «зарытые дела» и «бля» вместо «для», «благотравительность», «органы сласти».

Да ладно уж, хватит! Но все только начиналось.

«Задолженность компании за тело превысила 2 миллиарда». «Владимир Путин больше часа провел наедине со спортсменами на татами». «Хамминистра не начинал засидания, в результате все-таки начавшееся с опозданием на полтора часа».

«Предпринимателя N опустили под подписку о невыезде». «Протокол оказался подписан...» «Рабочие суда простояли в порту более суток». «Сумма заеба не оправдала и привела к скромным результатам». «Партнеры так и не желали проблевать эмбарго». «Принятие закона проходило гадко». «Замеситель директора не отвечал на звонки».

В их редакции работали исключительно маньяки.

Первую неделю Тетю мучили кошмары. После многочасовой читки она уже не понимала, что там написано, отрывалась от текста, клала голову на руки, закрывала глаза. Буквы-козявки на больших листах мокли, раздувались, слипались в стаю. Топкими, густыми волнами, грозя поглотить, погрузить душу в свое чрево – мерзкое, зловонное, пустое. Не хочу! – глупенькая, да кто ж тебя спрашивает? Изо всех сил, но, как водится в снах, все же страшно медленно Тетя бежала, картинно вытянув руки – протягивая их к невидимому белому свету. Дышали в затылок, настигали – шмякались на голову, заливали глаза, текли ледяным грязным потоком за воротник по спине, груди, по поверхности бессмертной ее души – тяжело, пачкая на своем пути ступеньки и переходы, перекрытия и стены.

Мазут чужого пустословья, вранья, липкое синтетическое варево из слов-двойников, сплетенных из слюней и взвинченности, напитка Energizer и нереализованных амбиций. Вонючая жижа не просто оседала в ней, она ее отравляла, меняла, делала хуже. Тетя темнела изнутри. Оставалось только запеть ослом – и я, и я, и а, Ио, которой не спастись от знойного жала.

Но вздрагивали жалюзи, поднимался ветер, приносил полглотка холодка.

«Из Калькутты телеграфируют».

«Из Неаполя сообщают».

«20 марта на Серпуховской пл. задержали какого-то человека».

«На театре военных действий наступило затишье».

«В Балтийском море потерпела аварию финляндская парусная шкуна, шедшая с грузом гранита».

«Над Москвой пронеслась буря, которая немало попортила деревьев в фруктовых садах, на бульварах, в Анненгофской роще, Петровско-Разумовском и на Воробьевых горах».

Их главный любил старину, Дима-студент, из их же брата (сестры) корректора, за прибавку регулярно привозил из Химок, газетного зала, новые порции трогательных новостей, объявлений, происшествий и телеграмм – из дореволюционных газет.

Но тексты эти были слишком маленькие, повеют и растворятся, и снова жаркая слизь, вязкая духота. Уйти из газеты, уйти, – повторяла она, ускоряя шаг, дожить до первой зарплаты – и!

Как вдруг она добежала. Через три недели после начала службы. Однажды, уже завыв свою жуткую песню, Мотя ощутила приятную прохладу, мокрую накатившую свежесть. Другую, не из старых газет. Она провела по глазам рукой, поморгала. Свежесть не уходила, только росла.

В этом тексте все слова стояли на месте. Не мельтешили.

Здоровые мужики в тяжелых ботинках, вязаных шерстяных шапках на затылках топали по корректорской меж столов. Обветренные рожи, из-под толстых курток спускаются красные клешни, натренированные на одно только дело. Тащить сеть. Было сказано несколько слов и про их жен, каждая тридцать лет и три года, затемно прощаясь с мужем, не знала, вернется ли он домой. Потому что никакие метеосводки не предскажут Океана. Так и было написано с большой буквы, Тетя не исправила.

Из-за спин мужиков выступили исполинские деревья – сосны. Уткнув острые затылки в холодное, омытое голубым небо аляскинской Ситки, они сливались в бесконечные сумрачные леса, по краям которых росли из земли древние деревянные тотемы, глядели слепо на каменный брег, на котором всегда дует ветер.

Ветер в заметке дул так сильно, что волосы у Тети зашевелились, она подняла глаза, прочитала фамилию автора. Михаил Ланин. Кто сей? Спросила на всю комнату. Корректорши засвирители. Ты что?! Ты правда не знаешь?

Наташа, полная блондинка с блестящими серыми глазами, заговорила громче всех.

Да знаешь наверняка. Он еще передачу ведет по телеку, каждую субботу, «Вечный праздник». Классная, ты что? В прошлый раз про помидоры показывал, как ими кидаются все, забыла название города, неужели не смотрела никогда? Ну, послезавтра посмотри, в двенадцать тридцать. У нас он замглавного, большой человек, главный перед ним хвостом виляет, плюс колонка по пятницам про путешествия. На работу он, конечно, не так уж часто – но если в Москве, старается. И в корректорскую к нам заглядывает, эффектный такой мужчина, увидишь как-нибудь. Все бабы – его. Хотя на работе ни-ни, – хихикнула Наташа напоследок.

Мотя выслушала, покивала, сейчас же прогуглила Михаила Львовича Ланина вдоль и поперек, но узнала немного: 1954 года рождения, окончил Институт стран Азии и Африки, в молодости занимался наукой – исследовал поэзию эпохи Сун (Тетя плохо представляла себе, что это), переводил китайских поэтов, в перестроечные годы занялся журналистикой, по очереди служил в международных отделах двух больших газет, но потом оставил и политику. Сейчас – профессиональный путешественник. Известный телеведущий.

Негусто. И вроде как на понижение шел. Хотя тут, конечно, как посмотреть... Нет, тексты рассказывали о нем намного больше. Постепенно она прочитала все, что нашла в их газетном архиве. И расстроилась, когда запас иссяк. Хотя и сама не понимала, что ее так задело.

Безупречно-чистый, точно свежевывытая сорочка, русский язык? – само собой, но мало, мало! Или, может, еще то, что все это были никакие не путевые заметки, а любовные письма на самом деле – Михаил Львович влюблялся во всех, про кого писал. В танцующих на пляже девочек-таитянок, в бормочущих неясные ночные песни танзанийских крокодилов, в кошку с котятками, игравших в теньке громадного средневекового собора. В ново-орлеанского уличного музыканта – и вся колонка была посвящена ему, бьющему барабанными палочками по белым пластмассовым ведрам черному парню в подтяжках, шляпе, разевающему в такт розовый рот. Но и этого быстрого портрета было довольно, чтобы разбитной, расслабленный, сочащийся джазом, виски, ароматом острого, обжигающего небо супа джамбалайя Новый Орлеан, город-саксофон, запел, заныл в сердце. И растворился в сыроватом укромном сквере в Буэнос-Айресе, где Ланину, усевшемуся под сиреневым деревом жакаранда, подали говяжий стейк ошеломительного вкуса, а юная темноокая официантка вдруг рассказала толстому русскому посетителю о своей прабабке, эмигрировавшей сюда из революционной России, откуда-то с Черного моря, Odess?

Его колонка о «метафоре времени», «ожившей старости человечества», мрачной гигантской черепахе, которую он разглядывал с фонариком у острова Изабелла, скреб перочинным ножиком покрытый темным мхом панцирь-щит, разлетелась по всем туристическим сайтам, блогам, вызвав на форумах кучу откликов... Казалось бы, что их читателям (чиновникам, менеджерам среднего звена) эта черепаха? И что она ей?

Нет, тут не черепаха, не котята, не жакаранда, и даже не эта порхающая из текста в текст влюбленность, тут другое... Сквозь все эти рассказы в окошечко «о», растянутого заводным орлеанским музыкантом, в черный выбитый ромбик соборного витража дуло что-то еще. Она распечатала самые лучшие колонки и дала маме: «Почитай, интересно, что скажешь...» Газет мама не читала, но с тех пор, как Мотя начала здесь работать, просила ее оставлять самое-самое. Тетя изредка сохраняла, вырезала – интервью с Ахмадулиной, с Любимовым, Табаковым, статью о провинциальных библиотеках... А тут выдала маме целую стопку листов.

Мама позвонила в тот же вечер:

– Все прочитала за один присест, Мариночка, превосходно! Хотя я ведь всегда недолюбливала травелоги, лучше один раз увидеть... Но тут... остановиться не могла! Какой язык, и живо очень, ты согласна?

– Конечно, мам, только не пойму, чем он все-таки берет? Ну, экзотика, но не в ней же одной дело, чем?

– Он? – мама задумалась на миг, но тут же заговорила дальше: – Да он поэт. Поэт! Во всем видит красоту, понимает значительность каждой мелочи, встречи, мимолетной даже. Он в этом поверхностном жанре оказывается глубоким, как раз поэтому – это такая лирика в прозе. Все, я теперь его поклонница, у него не бывает встреч с читателями?

– Не знаю! – засмеялась Тетя, мама была неисправима, любила эти встречи смешные, ходила на них в библиотеки и даже в клуб «ОГИ»...

– Хорошо, скажи, если узнаешь, – торопилась закончить мать, – а я вот что тебе еще скажу про него. Ты не смейся только, мне тут Ольга Петровна с работы, помнишь ее, пожилая такая с кудряшками, так вот, Ольга Петровна мне дала почитать одну книгу – «Псалтырь» и дальше, во второй части переложения наших поэтов – красиво очень, но первоисточник все-таки лучше... Я же не читала никогда, а тут зачиталась, хотя сложновато бывает, но какая поэзия и сила! И рассказы эти или как там... колонки чем-то похожи.

– На что?

– Говорю ж тебе, на Псалтырь! Сейчас, погоди... – мама зашуршала книжкой, – вот: «...там птички совьют гнезда, жилище аиста возвышается над ними. Горы высокие – оленям, скала – убежище зайцам».

– Да чем это похоже, мама? Это кто?

– Повторяю, это пророк Давид, псалом 103 в русском переводе.

– И что похожего?

– Как что? Давид – тоже поэт! Неужели ты не слышишь? – мама всегда считала, что уж на что, на что, а на поэзию слух у нее тонкий. – Этот автор твой, как его? Ланин, да, тоже мир в первобытность его возвращает, пишет объемно, но просто... и все время славит, славит Господа и творение Его, как тут сказано...

– Ну, мама... Ну, ты даешь!

Тетя хотела возразить, что, скорее-то всего, Ланин вообще ни в какого Бога не верует, значит, и славить Его никак не может! Но замолчала, прикусила язык, мама не любила, когда ей возражали, тем более если речь шла о Поэзии (это слово мама всегда произносила чуть нарспев)... И Тетя оборвала себя.

Но колонки ланинские старалась с тех пор брать первой. Нечитанный никем текст имел другую энергетику. Читала и видела: в одном мама права совершенно точно. Поэт! Пусть

не Бога он славил, а людей и жизнь, жизнь гогочущую, во всех ее проявлениях и формах – все равно.

Так Тетя и осталась здесь до Нового года, а потом до весны, календарные пейзажи над ее головой незаметно менялись, красный квадратик полз и полз по числам вперед.

В одну из суббот она даже включила телик. Полный, пышно-кудрявый бородач, в общем похожий на газетную фотку в колонке – хотя в жизни скулы выдавались сильнее и в глазах жила большая раскосость. В передаче Ланин рассказывал про перегон овец, сначала спокойно, у фонтана городка с коротким названием Ди, но потом уже орал в микрофон – распаренный, красный, нумерованные овцы бурлили за его спиной оглушительной блеющей рекой, вжимали прохожих в стены, покрытые темно-зеленым плющом. Одна овечка остановилась рядом, он к ней обернулся, потрепал по спине. Вся ладонь ушла в густую бежевую шерсть, капли пота сверкали на лбу, кудри намокли. Она почувствовала, что подглядывает, и аккуратно нажала кнопку на пульте. Нет уж, пусть явится сам.

Он явился только в начале лета. По привычке Тетя взяла его колонку, как всегда править было нечего: ни помарочки, ни ошибки – но в самом конце предложение внезапно обрывалось на полуслове, Ланин что-то случайно стер или не дописал. В таких случаях корректоры обязаны были звонить авторам. Замирая, Тетя набрала его внутренний номер. Он сейчас же взял трубку. «Только я не в кабинете, хожу по редакции, сейчас я к вам подойду». И пришел через несколько минут.

Легко внес в корректорскую свое большое тело, поздоровался со всеми, пошутил с Леной, сам засмеялся собственной шутке, свободно откинув большую голову – густые пряди так и взлетели. Кто-то мне тут звонил... Тетя помахала ему рукой. Повернулся к ней, поглядел: светло-карие глубоко посаженные глаза, небольшие, зоркие и веселые, крупный широкий нос с горбинкой, аккуратно вылепленные губы. Некрасивый, но так и тянет к нему... Он уже стоял рядом. Да сколько этому человеку лет? Молодое, что-то необъяснимо молодое и резвое сквозило в его облике. Склонился над текстом, чуть сдвинул брови, усмехнулся: «Я не тот вариант вам прислал». Быстро продиктовал недостающее, улыбнулся по-человечески, не как начальник. Поблагодарил за бдительность, щедро попрощался со всеми сразу, окинув корректорскую широким взглядом, Лене поклонился особым поклоном. И так же легко, мягко вышел.

Наташа тут же затараторила: Шармер, а? Ну, как он тебе?

Господи, как?! Да понравился. Очень. Но Тетя только молча улыбалась, мычала: «А что? Вроде симпатичный».

– Жаль, для нас с тобой староват, не годится! – прыснула Наташа.

Не годится, Наташа права – староват и высоковат. Слишком далеко плавала его планета. Слишком высоко. Хотя и на самом деле Тетя была ему по плечо.

Ничего не изменилось и после того, как в конце июня Тетя стала Лениным замом, две недели, пока Лена была в отпуске, заменяла ее на планерках и глядела со скуки в знакомый затылок. Это было одно из немногих развлечений. И редких – затылок часто отсутствовал. Тетя сидела во втором ряду, прячась за спины, устало слушая, как несчастную их газету сравнивают с другими, обычно отключалась на слове «просос» и погружалась в знакомый густой каштановый лес. В глубине леса угадывалась круглая голова со слегка оттопыренными ушами. Пряди красиво спускались на воротник рубашки (неизменно свежей), потом начинался вельветовый пиджак. Несколько раз она эту голову мысленно брила. Получалось кругло, ушасто, упрямо. Затылок все равно оказывался крепок, мужествен. Но и беззащитен – большой младенец. Другая игра состояла в том, чтобы по затылку и мелким едва уловимым движениям угадать настроение хозяина – а в конце планерки, быстро скользнув взглядом по ланинскому лицу, понять: ошиблась? Нет? В последнее время Тетя почти не ошибалась. Но они по-прежнему не соприкасались. До самого августа, когда она чуть не накричала на него...

Вернулась из отпуска, с проклятого острова, на который еле-еле вытащила Колю. Коля всю дорогу сидел в их номере с выбеленными стенами и играл в «Цивилизацию», последняя версия, часами. Жал пальцами на клавиши, отрывал виноградины, шелкал ими во рту – до того они были крупные и крепкие. На экскурсии с ней ездил Теплый – во дворец царя Миноса, археологический музей в Ираклионе, рассматривал глиняные фигурки быков и грациозных лисичек, хоровод танцующих девушек. Спрашивал ее. Теплый был главный ее друг. И Колин тоже.

Коля научил Теплового держаться на воде, даже плавать немного, купил себе и ему маски. Они ловили крабиков в стороне от пляжа, у высоких черных камней, искали на дне морском камешки с иероглифами, которые начертили море и время. С Теплым Коля хотел и рад был быть. А с ней нет.

Как-то ночью, проснувшись, выключила кондиционер, надоел этот шум до смерти! – распахнула окно настежь, лежала и дышала живым воздухом, морем. Утром подоконник раскрасила россыпь продолговатых темно-сиреневых лепестков – у окна номера росло дерево, оно-то и цвело ничем не пахнущими сиреневыми цветами. Это Колина любовь вот так же опала. Или ее?

Вернувшись из отпуска, Тетя обнаружила, что многие еще гуляют, Лена тоже взяла себе несколько дней. В редакции было пустынно, в корректорскую только в одиннадцать явился запыхавшийся Дима. Она включила компьютер, открыла систему и сразу же увидела недавно сброшенный в нее файл – очередная колонка Ланина. Назывался файл: «Крит».

Значит, он был где-то совсем рядом, пока окончательно рушилась ее семейная жизнь... Тетя открыла текст, но никак не могла вчитаться, перечитала несколько раз, пока не начал проклевываться смысл:

«...преследовал легкий, настойчивый звон. Он плыл откуда-то сверху. Будто листья смокв стали металлическими, и, ударяясь друг о друга, звенели. Машина карабкалась все выше, страшно было оторвать взгляд от узкой, петляющей дороги. Я переключил передачу на первую скорость, открыл окна, здесь и без кондиционера веяло прохладой. Нежный звон по-прежнему стоял в ушах. На верхушке горы уже показались домики нужной нам горной деревушки. “Смотри!” – сказал Рикардо. Неподалеку от нас, на подъем выше, на тенистой каменной площадке жалось стадо бурых овец. Они-то и звенели тихонько. Ветер шевелил колокольцы на овечьих шеях».

Тетя оторвалась от текста. Фальшь. На шеях овец не колокольцы, а ббтала! Теплый нашел такое, когда они отправились гулять в соседнюю с гостиницей деревню – ржавое, грубое, грязное, мягкое чуть-чуть. Никаких колокольцев. И вообще Крит не такой, Крит – сиреневый, злой остров, нелюбимых там пожирает Минотавр, но про это, про самое главное – ни слова! И почему ей чудился в его статейках ветер? Здесь не было никакого ветра, только душная ложь. И что это за «преследовал настойчивый звон»? Или – или. Или преследовал, или настойчивый. И то не мог оторвать глаз, то все-таки оторвал. И если уж на верхушке горы деревня – понятно, что она горная! Да и вообще, что это за верхушки-деревушки?

Она набрала его номер, выпалила ему про два масла масляных, почти не сдерживая возмущения, Ланин ответил мягко, не опускаясь до дискуссии: «Я вас понял, оставьте, как есть». Она не унималась (Лена могла бы ее остановить, но не было Лены!): «И еще, извините меня, пожалуйста, Михаил Львович, но у овец на шеях не колокольчики, а ббтала, грубые, большие, и ничего они не нежно звенят, а глухо и тяжело звякают!»

Он словно что-то почувствовал, сказал: «Я сейчас спущусь».

Войдя в комнату, он поздоровался, подошел. Глянул в глаза. Она бесстрашно повторила: «Ббтала. Я сама видела. Мы только что вернулись с Крита». – «Ах вот оно что! – он засмеялся.

Легким, колышущимся смехом. – А я написал по прошлогодним впечатлениям, решил на летнюю тему... Бóтала... Да, – он замолчал и внезапно произнес очень раздельно и медленно: – Екатерина Витковская. Вспомнил!»

Тетя молчала, ждала объяснений. «Девушка, на которую вы страшно похожи», – добавил Ланин. Вздохнул: «Оставьте колокольчики, все оставьте. Я пишу сказки. Я сказочник, как вы не догадались?!» И опять взглянул на нее со странным вниманием, без улыбки: поймет? Но она молчала. Сказочник? Он все стоял и вдруг, совсем уж ни к селу ни к городу, добавил неторопливо, слегка покачиваясь на каблуках и глядя не на нее, а чуть выше ее головы, в календарь: «Мне нравится... – он чуть замялся, – то участие, с которым вы читаете мои тексты. Мне нравится...» – но оборвал самого себя, не стал договаривать, слегка покраснел и быстро вышел.

Дверь не закрыл, поднялся сквозняк, бумажки взмыли, салфетки, липучки, оборотки, ручки сдвинулись, поползли, полетели. Пустая чашка опрокинулась и упала ей на колени.

Тетя захлопнула дверь, навела порядок. Фамилию, которую произнес Ланин, конечно, сейчас же забыла – поискала наугад в «Яндексе», Екатерина, но какая? Виловская? Будковская? Ничего так и не нашла.

После того объяснения прошел почти месяц, Лена давно вернулась, и все постепенно вернулись, и снова потянулась пресная, одинаковая жизнь – Ланин опять был в отъезде, безнадёжном, вечном – лишь волна летнего тепла, накатившая на Москву, немного размягчала, наполняла хоть чем-то – знакомой, выдержанной как вино, многолетней уже тоской. Но сегодня утром... нет, это была не догадка, не предположение – точное знание. Все скоро изменится. Вот-вот.

Тетя сдала уже третий текст, теперь самое время было попить чайку-кофейку... Она поднялась, но увидела, что лягушонок в аське прыгает – писала Лена, вообще-то сидевшая напротив, но сейчас, видно, не желавшая посвящать в их беседу остальных.

«Тебе нужна подработка? – спрашивала Лена, Тетя задумалась, сейчас же появилась следующая строка. – Слышала про проект главного “Семейный альбом”? Чтобы читатели присылали свои семейные истории, с фотографиями, а мы бы публиковали лучшее».

«Да, объявления же в каждом номере», – натюкала Тетя.

«Именно. И за две недели пришло уже несколько очень толстых конвертов, – быстро строчила Лена, – и несколько тонких. Нужны ридеры, те, кто все это будет читать, отбирать стоящее для публикаций. О чем главный, само собой, не подумал 😊. Мне Ланин только что написал в ужасе – его поставили это курировать, но людей не дали. Правда, дали немножко денег. Спросил, не знаю ли я кого, кто мог бы, и, между прочим, помянул тебя...»

«Меня?»

«Да, сейчас».

Через несколько мгновений в окошке появилась вставка из ланинского письма. «...до полного отчаянья. Может быть, предложить кому-то из ваших сотрудников – вот та чудесная кареглазая женщина, сидящая напротив вас, под календарем. Читатели нужны грамотные, со вкусом – по-моему, она справится...»

Тетя улыбнулась: ишь ты, и глаза разглядел!

«А сколько надо будет читать? И сколько это стоит?»

«Важно твое принципиальное согласие, – быстро ответила Лена. – Все подробности уже с Ланиным. Думаю, не обидит. Я тоже собираюсь. А объем чтения сама сможешь регулировать. В общем, пишу ему, что ты не против?»

Вот оно, рукопожатие судьбы. Утреннее предчувствие не обмануло! И она не думая протянула ладонь в ответ, напечатала:

«Да. Конечно же, да».

Оторвалась от экрана, поймала Ленин взгляд – Лена ей подмигивала и показала кулак: поработаем!

Михаил Львович позвал их к себе в кабинет уже вечером. Был дружелюбен, энергичен, но краток. Выдал по несколько конвертов, разорванных.

– Я пока примерно половину просмотрел. Много мусора, пишут одинокие в основном пенсионеры, но есть и очень, очень... Один человек... Голубев, кажется, он вам, по-моему, достался – в голубом таком конверте, даже двух, – Ланин кивнул на бумаги в Тетиных руках. – Как на заказ, видно, лежало у него все это, ждало своего часа. Представляю, как он обрадовался, прочитав наше объявление. Но это действительно потрясающе, готовый практически материал. И фотографию, как мы и просим, прислал – копию... Одно плохо, слишком много, длинно, даже если в двух номерах печатать, нужно будет отбирать, сокращать, – Ланин замолчал, что-то про себя считая, – максимум тысяч на тридцать знаков, в номер по пятнадцать пойдет. Язык, в общем, простой, слегка суконный, зато фактура! – Михаил Львович расширил глаза, покачал головой. – Если дело пойдет так и дальше, книжки печатать начнем...

Лена уже выходила, но Тетю Ланин задержал взглядом, поглядел ласково и почти братски (ну да, у них же общее дело теперь!), произнес уже совсем другим тоном – медленно и разборчиво.

– У вас могут возникнуть вопросы, а я много разъезжаю... – он будто слегка смутился. – Вы можете звонить мне прямо на мобильный. Запишете номер?

Она послушно, немо выудила из кармана мобильник, приготовилась, но он уже говорил дальше: «Нет, подождите, я вам сам позвоню, диктуйте». Через несколько мгновений в кармане рассыпались мраморные камешки.

Она вышла из редакции без сил, но с ощущением защищенности. И легкости. Критские полскалы свалились с плеч. Тетя взглянула на темное в розовых просветах небо и не захотела от него отрываться. Ехать долго-долго, несмотря на усталость. Ехать и посматривать вверх, следя за перемещением облаков в тающей бледно-розовой дымке. Завтра выходной, по субботам газета не выходила. Теплый с Колей уже отправились на деревню к бабушке – ее там ждали только завтра, но, сев в машину, Тетя повернула в область. Позвонила Коле, он буркнул: поосторожней там в темноте.

Движение было плотным, но терпимым. Едва она выехала за кольцевую, дохнуло прохладой – лето летом, но в конце сентября темнеет рано, холодает быстро. Появился черный лес, из подступившей к самой дороге деревни потянуло сладко-горькими ароматами окрестных садов. Пахло яблоками, прелым листом, осенними кострами и еще чем-то, что нельзя разгадать. Смесь заволокла голову, закутала сердце. «Запах рая, который потерян», – неожиданно подумала Тетя и вздрогнула: так недолго и заснуть за рулем.

Объявление: обозрение неба

В пятницу и субботу, в случае ясного неба, с 7 1/2 час. вечера в кружке любителей физики и астрономии губернской гимназии будет произведено обозрение неба, Юпитер, звездные скопления и двойные звезды. Вход для лиц посторонних в кружку – 25 коп.

Глава четвертая

Она ехала к Теплому, который, конечно, спит давным-давно, обняв любимого белого пуделя, как-то его зовут, забыла, к Коле – уставился вместе с отцом в экран, ехала с новым сочетанием цифр, крепко застрявшим в крошечных электронных мозгах мобильного, лежавшего во внутреннем кармане куртки, под самым сердцем. С новым проектом за душой, который уберезит ее – нет, спасет.

Как, как случилось, что они с Колей столько времени вместе? Милый мальчик, смешной, кажется, добрый, но совсем другой, из другого круга. Да это-то и притянуло, с ума свело! И еще мама, мама твердила, да и когда не твердила, все равно, всем своим видом заклинала: нельзя оставаться одной. Только замуж! Обихаживала всех ее ухажеров, пекла для них пироги, особенно полюбила консерваторского Лесика, мальчика из интеллигентной семьи – с падающей на глаза серой челкой, целующего руки и маме, и Тете. Даже написавшего в Тетину честь сонату, но на самом-то деле – как ты не видишь этого, мама, почему же тебе меня не жалко? – влюблен Лесик был в одного себя и в собственную влюбленность. Отвалился через полгода, после краткого, но решительного объяснения. Мама пила валокордин. И переключилась на круглолицего, вечно краснощекого Сему Волчкова с их курса, слова не способного сказать в простоте – ироничного поэта. Он появился в ее жизни уже после университета, в начале аспирантуры. Сема дружил тогда с философом Веней Гробманом, часто вдвоем они и приходили, Веня запал на нее тоже и все цитировал Хайдеггера и Бубера, неведомых, полузапретных, но уже снимались все запреты... Мама склонялась больше к Вене, восхищалась его ученостью, Тете больше нравился Сема, он хорошо шутил, но ни тот, ни другой, конечно же, нет. Ни-ни.

После всех этих ломаных, болтливых!.. нервических – Коля, молчаливый, умелый, с робкой стеснительной улыбкой показался оплотом среди цветущих этих заплесневелых болот. Тем более когда позвал в поход.

Ни в какие походы она никогда не ходила. И никто у них не ходил – изнеженные филологи, не физики ж они какие-нибудь. Коля позвал на три дня, в майские, на байдарке. И она согласилась. Мама отпустила ее легко, хотя Коля был совершенно не в ее вкусе, только пальчиком погрозила – и не сказала ничего. Не волнуйся, мам, все будет хорошо! Потому что Коля – хороший.

Путешествие и в самом деле оказалось чудесным – окутанным зеленым прозрачным туманом, из которого торчали тонкие веточки в набухших почках, выглядывали внезапные, за излучиной, пригорки в елках, еще не обросшие зеленью коричневые поляны в желтых пятнышках мать-и-мачехи. И те же цветки, поляны лежали опрокинутые в темной воде, по которой плыли вместе с ними палки, травинки, черные деревяшки, водные жучки. Она вдыхала запах реки, мокрой земли, первых зацветших растений. Ей казалось: слышно, как осторожно расправляет легкие и дышит природа. Она сидела на корме, Коля греб. Во время стоянок приносила на растопку сухие ветки, собирала букетики из первых цветов и трав, Коля вбивал колышки в землю, ставил палатку, рубил дрова для костра, жарил на углях в закопченной сковородке тушенку, кипятил в котелке чай. Большие, красные, чуть шершавые руки, синие глаза, глядящие на нее весело и с заботой: Ты не замерзла? Кружка горячая, осторожно. Тише здесь, можно провалиться. Не устала?

Через протоку, которую надо было переходить пешком, Коля, перетащив вещи и байдарку, перенес на руках и Мотю. Спокойно, деловито шагал по ледяной воде босиком, обхватив ее железной хваткой, без лирических отступлений. Это было единственное объятие в тот поход, тогда Коля ни на что не посягал, только глядел на нее влюбленно, только заботился, быть может, бравировал своей легкостью и сноровкой, ну и что? Она им любовалась. И все смотрела в веселую синеву глаз и на руки.

Это было его пространство – зеленые берега, речка, птичьи курлыкающие голоса, голые, замершие в истоме деревья, вот-вот стрелнут листьями. И он делился с ней всем, раздавал его вот этими руками, отгораживал от опасностей, нес.

Чувство надежности, совершенно незнакомое, оборачивало, грело, точно спальный мешок, который тоже, кстати, выдал ей Коля – такой толстый и уютный, что она проспала в нем всю ночь на ежике и не заметила. Ежик устроился у нее в ногах, только утром Коля его обнаружил, выпустил на волю, рассмеялся. Она вообразила тогда: как вернуться в Москву, Коля позовет ее замуж.

Но только зимой у нее в гостях он спросил неожиданно: «Пойдешь за меня?» Она растерялась. Хотя думала об этом постоянно и в мыслях всегда отвечала «конечно». Но это же понарошку! Будет ли им счастье? Ведь никогда еще больше одного вечера, хорошо, не вечера – дня вместе они не проводили, а тут нужно остаться вдвоем на целую жизнь... И вдруг вспомнила: проводили. Поход. Три дня прожили рядом, и так легко. Руки, забота, глаза, мать-и-мачеха вспыхивает желтыми огоньками...

* * *

Тетя почувствовала, что снова засыпает, замотала головой, глянула вверх. Огромная луна плыла вместе с ней над дорогой, ныряла сквозь налегающую на землю ночь – темно-желтая, в легком рваном облачке, таком истершемся платье. Мечтала о бале, но вот что только и нашлось в небесном гардеробе – лохмоточки для толстой матроны. Ну и что ж – не постеснялась, вышла и плавно двигалась по небу, лила на землю неяркий, густо-оранжевый перекипевший свет.

* * *

Свадьбу назначили на 12 июля 1998 года.

Едва ее неизбежность стала очевидна, Тетя затосковала – жертва, приносимая на алтарь. Какой, чей? Алтарь обычая, так-принято, так-положено, надо-замуж. И не радость, не надежды – страх сжал горло: благоухающая, заросшая мать-и-мачехой земля, на которой она жила прежде, сжималась, превращалась в остров. И с каждым днем вода прибывала. К 12 июля она стояла на узкой полоске размером в четыре человеческие ступни. Коля был рядом, но она не понимала, не знала – спасет он ее? Удержит? Столкнет?

На свадьбе, уже после благословившей их загс-тетки в изумрудном пиджаке и бубнивого венчания, на котором настояла Колина мать, она получила последнее предупреждение – но и тогда поверить не могла. Хотя сколько раз потом вспоминалась та бабка – будто в отместку за то, что не послушалась ее и вовремя не сбежала.

Под навесами возле недавно перестроенного Колиным папой большого дома накрыли столы, свадьба была с размахом, гостей собралось под девяносто человек, Тетя видела меньше половины, кто-то сидел за ее спиной, кто-то так далеко, что лиц было не различить, но несколько бабушек сидели совсем близко. Одна из них – высокая, сухая, в небрежно повязанном цветастом платке, глядела на нее страшно тихим, убитым и почти бесцветным в легкую голубизну взглядом. Взгляд жил на лице отдельно, независимо от разгоревшихся после выпивки щек, тонких розовых губ, которые бабка часто облизывала, морщин, разбежавшихся по лицу, когда бабка улыбалась, кричала «горько» или пела.

Песни, которые в наступившей усталой тишине уже перевалившего за середину свадебного пира запели бабушки, были из давних времен их юности. Первая – веселая и простая. Тетя и сейчас помнила некоторые слова и незатейливую ритмичную мелодию:

Кто у нас хорошей,
Кто у нас пригожей,
Николай хорошей,
Андреевич пригожей.

Дружелюбно шамкали бабушки, и кое-где за столами им подпевали, в основном женские голоса. Николай был малый хоть куда:

Споро умывался,
В свадьбу снаряжался.
Рубашка кумашна,
Жилетка отласна,
Драповые штаны,
Сапоги сафьяны,
Сертучок в обтяжку,
Часы во кармашке.

Выводили старухи дальше с серьезными отрешенными лицами.

Расчесав головушку, Николай садился на коня и скакал через реку, к любушке, которая встречала его с графинчиком, наливала чарочку и подавала нареченному.

Тут Колина мать, низенькая, толсто-мягкая Валентина Матвеевна, толкнула ее под бок, и она послушно налила из стоявшего рядом графина в рюмку беленькой. Коля, который всю свадьбу почти не пил, рюмку с улыбкой принял, а она снова поглядела на него. Точно песня бабок ей Колю умыла. Высокий красивый парень с русыми золотыми волосами, глазами цвета июльского неба – он и в самом деле шагнул оттуда, из этой песни вечной, из русской синей дали, спешился, привязал коня, сел за стол.

Да неужто он теперь ее, ее муж? И радость, воздушная, восторженная, детская, тихо окатила ей душу.

Песня про Колю развеселила ословелых уже гостей, они потребовали продолжения. Но остальные песни у бабок оказались грустные. И разобрать в них слова, как ни напрягала она слух, было сложнее. Проклевывался только общий смысл: в одной, совсем короткой, кукушечка боялась, что вот-вот приедут бояре, а с ними нагрянет и жених, матушка утешала свою пташечку, как могла. В другой красна девица отпускала в реку свою девичью красоту – «ты плыви, моя красота, да в синюю реченьку, ни к которому берегу, ни к которому кусту не приплывай».

«И где же, где же оказывается эта девичья красота в конце концов?» – думала Мотя, но уже по синей речке плыла не красота, а «корабельки», полные гостей. Но и прибытие гостей в песне отчего-то было печально. Тут она и поймала взгляд.

Бабка в цветастом платке пела, глядя прямо на нее. В выцветших, когда-то голубых глазах горели безнадежность и скорбь. Точно предупредить ее хотели эти глаза. О будущем, о том, что впереди глупую кукушечку ждет такое, что много печальней, чем эти песни. «Беги, пока не поздно, девка!» – вот что прочитала невеста в бабкиных глазах. И думала рассеянно: все эти рубашечки, реченьки, головушки, мягкие ушки и нежные чириканы суффиксов – только фасад, попытка закрасить грозное будущее замужней жизни русско-народными узорами, утешить себя перед испытаниями. Но какими?

Ей казалось, в следующей песне явится разгадка, хотя бы намек – и она уловит, в чем дело, поймет, что уж такого ужасного в этой супружеской жизни и отношениях, по поводу которых так солоно и нагло шутят гости. Но бабки уже всем надоели. Песню про корабельки едва дослушали, все зашумели, снова заорали «горько», подняли еще раз рюмочки и громко,

слаженно запели знакомое. Забили кукушечек миленьким моим, степь да степью, захлестали тонкой рябиной и даже пробравшимся контрабандой миллионом алых роз. Тошно ей стало от этих пьяных голосов, она порывалась встать, но не смела – Коля сидел и подпевал. Она молчала, хотя тоже знала слова.

Глядела на распаренные водкой незнакомые лица, серьезно и дружно открывавшие рты. Особенно отчетливо слышались женские, с затаенной истерикой, голоса – с соседнего стола, там собралась целая команда теток – всем им было под пятьдесят, все были сильно накрашены, наряжены в блестящие обтягивающие блузки, на толстых шеях висели тяжелые бусы... Подружки Колиной мамы? Впрочем, в женский хор вливался и басовитый подголосок, мужиков было заметно меньше, но сидели за столами и они – в белых рубахах (пиджаки все давно поснимали), с лицами запойных, но работяг, папуших, может быть, и на Колиного отца Андрей Васильича, владельца трех шиномонтажных мастерских в Подмосковье.

Несколько Колиных друзей сидели за «молодежным столом», прямо за их спиной, она их не видела. Еще недавно смеялась за этим столом и белокурая Алена, ее свидетельница.

Алена, Алена... Тетя отвлеклась от мыслей о свадьбе и подумала с печалью – как хорошо они дружили, с самого десятого класса, как часто виделись тогда. С Аленой – умницей, переводчицей, она окончила иняз, работала в глянце, разъезжала по свету, – было так легко – вот уж кто никого никогда не осуждал! И это ведь Алена потом твердила ей, в ответ на ее жалобы-вздохи о семейной жизни: «Да в чем проблема, кисуль? Разбежаться и забыть!» Коля, точно чувствовал, сразу ее невзлюбил – «болтливая дура!» И теперь они встречались с Аленой страшно редко, раз в полгода-год, обычно на нейтральной территории – в кофейне или ресторанчике-суши, Алена питала к ним слабость. Обычно подруга вручала ей очередной шедевр: денег ради, а потом уже просто по привычке, она писала под псевдонимом «иронические любовные романы» – и шли эти книжечки в мягких обложках с задорными заголовками, как горячие пирожки. Энергичные, элегантные и такие же, как Алена, *легкие* героини с некоторым опытом разочарований за плечами в конце концов вытаскивали из колоды козырную карту и выигрывали – а на кону стояла любовь до гроба и ослепительное женское счастье.

Две фары резанули глаза в зеркальце синеватым светом, огромный джип сел ей на хвост, Тетя вежливо включила правый поворотник, ушла в соседнюю полосу. Даже и в пробке, собравшейся перед светофором, им хотелось быть первыми!

Тогда, на свадьбе, точно сразу почувствовав, что чужая всем, даже ей, теперь, – Алена быстро сбежала обратно в Москву – завтра утром на работу, мы же и по воскресеньям пашем. Она работала тогда, кажется, в каком-то цветном приложении к чему-то. И со стороны невесты осталась только мама, сидевшая за родственным столом, зажатая двумя Колиными тетками. В середине «острова на стрежень» раздался низкий, протяжный звук – где-то совсем близко замычала корова. Гости снова грохнули: подпела! Колина мать держала хозяйство – невесте все показали еще в первый ее приезд: в просторном сарае жила черная в белых пятнах Милка, в соседнем закутке мекали две козы, за следующей загородкой помещалась свинья с черными поросятами, за отдельной дверью – куры. Кажется, именно после мычания к ней и подошла какая-то Колина родственница – невысокая, крепкая, надежная крестьянская порода – чем-то очень похожа она была на Валентину Матвеевну, только длинноногая, с черными крашеными волосами. Родственница приблизилась к Тете, не дала ей встать, обняла за плечи и, дыша водкой, вдруг прошептала влажно, почти касаясь губами ее уха: «Повезло тебе, девка. Колька наш – ведь чистое золото!» Тетя вздрогнула, отпрянула и получила новую порцию: «Золотой, грю, мужик». Родственница распрямилась, откинулась назад и, почему-то оглушительно заржав, ушла в сторону дома. Никогда с тех пор Тетя ее не видела, кажется, мать Колина с ней поссорилась, но фраза запала. Тогда Тетя согласилась совершенно – тем более в закатном солнце волосы у Коли действительно отливали золотым.

В опустившуюся темноту внесли украшенный свечками белый высокий торт. Под восторженные крики и чье-то настойчивое «Невесте – розочку!» торт разрезали. Ей все сильнее хотелось выключить звук, это никак не смолкавшее жадное «горько» и Колю. Язык его все веселей хозяйничал у нее во рту.

Тетя уже приближалась, поглядывала на щиты, не пропустить бы своего поворота, изредка с ней это случалось, стоит задуматься... Уже совсем недалеко от Голицына началась пробка, в такой-то час? Хотя перед светофором иногда так бывало. Из соседнего ползущего рядом «Гольфа» вырвалось «Напрасные слова...», м-да, так и есть, за рулем сидел дедок, видать, подглуховатый...

Малинин вздыхал из динамиков и на свадьбе. На освещенном прожектором пятачке возле крыльца неутомимый Андрей Васильич – коренастый человек с грубым лицом, кустистыми нависшими бровями и синими глазами – устроил танцы. Юрий Антонов, Алла Борисовна forever и кто-то еще, ей неизвестный, не из ее молодости... Гости танцевали с охотой, после пяти часов сидения за столом хотелось размяться. Даже мама разошлась и кружилась под «знаю милый, знаю, что с тобой» с Колиным папой, а потом еще с каким-то лысым мужичком в белой рубашке и галстукке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.